РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ АВТОРА

Собиров Нематжан
к.ф.н., профессор, Ферганский государственный университет
Ибайдуллаева Ситора Рустам Кизи
Магистрантка, Ферганский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния религиозных мотивов на формирование авторского мировоззрения в художественном творчестве. Рассматриваются механизмы интеграции духовных категорий в структуру литературного произведения, анализируется взаимосвязь между религиозным сознанием писателя и эстетическими принципами его творчества. Особое внимание уделяется проблемам интерпретации сакральных образов, трансформации библейских сюжетов и функционированию религиозной символики в художественном тексте.

Ключевые слова: религиозные мотивы, мировоззрение автора, художественное творчество, духовные ценности, интертекстуальность, символика, нарративная стратегия.

MUALLIFNING DUNYOQARASHINI SHAKLLANTIRISHDA DINIY MOTIVLARNING ROLI

Sobirov Ne’matjan
f.f.n., professor, Farg‘ona davlat universiteti
Ibaydullayeva Sitora Rustam qizi
Magistrant, Farg‘ona davlat universiteti

Annotatsiya. Ushbu maqola badiiy ijodda muallifning dunyoqarashi shakllanishiga diniy motivlarning ta'sirini o'rganishga bag'ishlangan. Maqolada ruhiy kategoriyalarning adabiy asar tuzilishiga integratsiyalashuv mexanizmlari, yozuvchining diniy ongi bilan uning ijodiy estetik tamoyillari o'rtasidagi o'zaro bog'liqlik tahlil qilinadi. Muqaddas obrazlarning talqin qilinishi, bibliya

syujetlarining transformatsiyasi va badiiy matnda diniy simvolikaning funktsionalashuvi masalalariga alohida e'tibor qaratiladi.

Kalit so'zlar: diniy motivlar, muallif dunyoqarashi, badiiy ijod, ma'naviy qadriyatlar, intertekstuallik, simvolika, narrativ strategiya.

THE ROLE OF RELIGIOUS MOTIFS IN SHAPING THE AUTHOR'S WORLDVIEW

Sobirov Nematjan

PhD, Professor, Fergana State University

Ibaydullayeva Sitora

Master's student, Fergana State University

Abstract. The article examines the influence of religious motifs on the formation of the author's worldview in artistic creation. It considers the mechanisms of integrating spiritual categories into the structure of a literary work and analyzes the relationship between the writer's religious consciousness and the aesthetic principles of their creativity. Particular attention is paid to the problems of interpreting sacred images, transforming biblical plots, and functioning religious symbolism in the artistic text.

Keywords: religious motifs, author's worldview, artistic creation, spiritual values, intertextuality, symbolism, narrative strategy.

Религиозные мотивы занимают существенное место в системе художественного сознания, оказывая определяющее воздействие на формирование мировоззренческой позиции автора. Интеграция духовных категорий в литературный текст не сводится к механическому включению сакральных образов, цитированию священных писаний или внешнему копированию обрядовой эстетики: она предполагает глубокую трансформацию авторского сознания, переосмысление этических и эстетических принципов творчества, а также реконфигурацию самого творческого акта как формы духовного служения или экзистенциального вопрошания [1, 31]. Исследователи отмечают, что религиозное

мировоззрение писателя функционирует не как декоративный или иллюстративный элемент, а как смыслообразующий центр, организующий художественное пространство произведения, задающий векторы интерпретации действительности и определяющий онтологический статус персонажей, событий и нарративной перспективы. В этом контексте литература перестает быть исключительно эстетическим объектом и превращается в поле метафизического диалога, где слово обретает сакральную плотность, а сюжет становится путем духовного испытания, где каждое художественное решение несёт отпечаток внутренней веры, сомнения или поиска.

Механизмы влияния религиозных мотивов на авторское мировоззрение многообразны и обусловлены сложным переплетением теологических, философских и психологических факторов. Прежде всего, религиозное сознание предоставляет писателю устойчивую систему координат для осмысления фундаментальных вопросов бытия: смысла жизни, природы добра и зла, проблемы страдания, смерти и бессмертия, свободы воли и предопределения, справедливости и милосердия. Эти экзистенциальные категории, преломлённые через призму веры или духовного поиска, приобретают в художественном тексте особую эмоциональную насыщенность, философскую глубину и нарративную устойчивость [2]. При этом важно строго различать прямую конфессиональную ангажированность, апологетику или догматическую иллюстрацию и более сложные, часто полифоничные формы духовного исследования, характерные для классической и современной литературы. В последнем случае религиозные мотивы служат не инструментом проповеди, а методом зондирования человеческой психологии, позволяющим раскрыть внутренние конфликты, пограничные состояния сознания и этические дилеммы, не поддающиеся рациональному объяснению. Именно в этой зоне возникает специфический тип художественного мышления, где логика причинности уступает место

логике символа, а повествование строится на принципах откровения, молчания, парадокса или недосказанности, что требует от автора высокой степени рефлексии и самоограничения.

Особую значимость приобретает анализ трансформации библейских сюжетов, архетипов и персонажей в авторском сознании. Как показывает практика литературного творчества, писатели крайне редко воспроизводят сакральные тексты буквально или догматически: чаще происходит глубокая художественная переработка, адаптация архетипических моделей к задачам конкретного произведения, эпохи или индивидуальной поэтики. Такой подход позволяет говорить о религиозной интертекстуальности как о специфическом приёме смыслопорождения, где диалог с традицией становится способом актуализации вечных истин в современном культурном контексте, а также формой критического осмысления или деконструкции канона . При этом степень свободы в интерпретации религиозных источников варьируется в зависимости от авторской позиции, философских убеждений и жанровой специфики текста. Можно выделить несколько стратегий: каноническая репрезентация (следование традиционному прочтению), типологическое переосмысление (перенос библейских сюжетов на исторический или бытовой материал), пародийно-сатирическая деконструкция, экзистенциальная проблематизация и мистериальная трансформация. Каждая из них отражает определённый тип отношения автора к сакральному наследию и формирует уникальную нарративную оптику, позволяющую тексту функционировать одновременно в горизонте традиции и в горизонте современности.

Функционирование религиозной символики в художественном произведении представляет собой отдельный, многоаспектный пласт исследования. Символ, в отличие от аллегории или прямого указания, сохраняет принципиальную полисемантичность, семантическую открытость и способность к накоплению смыслов, что особенно важно при работе с

сакральными категориями, выходящими за пределы рациональной дескрипции. Религиозные символы — крест, храм, путь, свет, вода, огонь, жертва, искушение, пустыня, ковчег — не просто обозначают определённые догматические понятия, но вызывают сложный комплекс ассоциаций, эмоциональных реакций, исторических и культурных коннотаций, формируя своего рода «символическое поле» произведения . Автор, использующий такую символику, вынужден учитывать её традиционное, часто каноническое значение, и одновременно создавать условия для её художественного обновления, перекодирования или даже субверсии в рамках собственного мира. Именно в этом напряжении между традицией и новаторством, между устоявшимся кодом и индивидуальным голосом рождается подлинная художественная глубина, позволяющая символу работать не как статичный знак, а как динамический механизм смыслопорождения, способный адаптироваться к меняющимся рецептивным условиям.

Важным фактором, определяющим роль и характер религиозных мотивов в формировании авторского мировоззрения, является историко-культурный контекст. Религиозное сознание писателя никогда не существует в вакууме: оно всегда укоренено в конкретной конфессиональной или духовной традиции, испытывает влияние эпохи, социальных трансформаций, интеллектуальных течений, философских дискурсов и даже политических потрясений. Поэтому анализ религиозной проблематики в творчестве того или иного автора невозможен без учёта особенностей его времени, без понимания тех экзистенциальных и культурных вызовов, на которые отвечала литература данного периода [3]. В эпоху романтизма религиозные мотивы часто принимали форму мистического бунта или тоски по утраченной целостности; в модернизме они трансформировались в язык абсурда, отчуждения и поиска смысла в мире «бога-умершего»; в постмодернизме религиозная интертекстуальность стала площадкой для игры, цитирования и деконструкции догм; в современной литературе

наблюдается возрождение интереса к духовному поиску в условиях секуляризованного общества, кризиса идентичности и экологической тревоги. В этом смысле религиозные мотивы выступают не только как элемент индивидуального стиля, но и как маркер культурной идентичности, способ диалога с традицией, форма исторической памяти и инструмент осмысления коллективных травм.

Методологические сложности изучения религиозных мотивов связаны с необходимостью выстраивания тонкого баланса между строго филологическим анализом и глубокой мировоззренческой рефлексией. Чрезмерный акцент на формальных аспектах, структурных схемах или нарративных техниках может привести к редукции духовного содержания, сведению сакрального к функциональному элементу поэтики. Игнорирование же художественной формы, замена литературоведческого анализа теологическим или философским трактатом лишает исследование научной строгости, превращая его в апологетику, публицистику или субъективное эссе. Оптимальный подход предполагает рассмотрение религиозных мотивов в их функциональной нагруженности: как элементов, работающих на достижение эстетического и смыслового единства произведения, формирующих ритм, интонацию, перспективу и этическую оптику текста [4]. Такой метод позволяет сохранить целостность восприятия художественного мира, избегая как догматизма, так и релятивизма, и требует от исследователя владения междисциплинарным инструментарием: от нарратологии и семиотики до исторической теологии, культурной антропологии и когнитивных исследований восприятия. Только в синтезе этих подходов возможно преодолеть ложную оппозицию «форма/содержание» и увидеть в религиозных мотивах живой, работающий механизм художественного мышления.

Современное литературоведение всё чаще обращается к коммуникативной парадигме, рассматривая религиозные мотивы не как

замкнутую систему догматов, а как средство живого диалога автора с читателем. В этом ракурсе духовные категории становятся не просто объектом изображения или репрезентации, но инструментом воздействия на сознание реципиента, способом формирования ценностных ориентиров, этической рефлексии и экзистенциального самоопределения. Подобный подход особенно продуктивен при анализе произведений, ориентированных на нравственное просвещение, духовное преображение личности или осмысление пограничных ситуаций человеческой жизни [5]. При этом важно учитывать, что эффективность такого воздействия зависит не от прямой назидательности, проповеднического тона или морализаторства, а от художественной убедительности текста, способности автора создать атмосферу доверия, сопереживания и интеллектуального соучастия. Читатель вовлекается в процесс интерпретации не как пассивный получатель готовых истин, а как активный со-творец смысла, чьё духовное и эстетическое восприятие становится необходимым условием завершения художественного акта. В условиях цифровой эпохи и гипертекстуальной культуры эта коммуникация усложняется, приобретая интерактивный, нелинейный и мультимедийный характер, что ставит перед исследователями новые задачи по анализу трансмедийных форм сакрального повествования.

Религиозные мотивы играют существенную, многоплановую роль в формировании мировоззрения автора, выступая одновременно как источник глубинных смыслов, структурный принцип организации текста и средство тонкой художественной коммуникации. Их интеграция в литературное произведение требует от писателя глубокого понимания как религиозной традиции, её философских и этических импликаций, так и специфики литературного творчества, его условностей, возможностей и границ. Исследование этой проблематики открывает новые перспективы для осмысления взаимосвязи духовности и искусства, веры и творчества, традиции и новаторства в культуре, позволяя преодолеть устаревшие

оппозиции «сакральное/профанное» или «религия/литература». В условиях современного поликультурного и цифрового пространства, где границы между жанрами, медиа и мировоззренческими системами размываются, анализ религиозных мотивов приобретает особую актуальность. Он позволяет не только реконструировать исторические и эстетические контексты, но и понять, как литература продолжает выполнять свою древнюю миссию — быть пространством вопрошания, свидетельством человеческой устремлённости к трансцендентному и мостом между временами, культурами и сознаниями. Дальнейшее развитие этой исследовательской области связано с интеграцией когнитивных моделей восприятия, цифровых методов текстологического анализа и сравнительных кросс-культурных исследований, что позволит раскрыть универсальные и специфические механизмы функционирования религиозного кода в художественном тексте..

Список литературы

1. Дроздов, А. И., Гимоян, С. А. Религиозные воззрения Ф. М. Достоевского // Труды Нижегородской духовной семинарии. — 2020. — № 14. — С. 45–67.

2. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 7 т. Т. 1. — М.: Изд-во Московского университета, 1996. — 416 с.

3. Есаулов, И. А. Духовная традиция в русской литературе: проблемы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. — 2004. — № 1. — С. 8–19.

4. Жукова, О. А. Творчество и религиозность в русской культуре: философские исследования. — М.: Прогресс-Традиция, 2012. — 328 с.

5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.

6. Николина, Н. А. Филологический анализ текста. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 256 с.

7. Хализев, В. Е. Композиция // Литературный энциклопедический словарь / под ред. П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 153.

8. Шмид, В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.